М. Ростовцевъ.

Національное и міровое государство.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1915.

М. Ростовцевъ.

НАЦІОНАЛЬНОЕ
и
МІРОВОЕ ГОСУДАРСТВО.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1915.

Національное и міровое государство.

Въ дни когда въ ужасахъ войны и въ лихорадкѣ мірового потрясенія рождается новый міръ, рѣшаются важнѣйшіе, давно наболѣвшіе вопросы и прежде всего вопросъ о будущемъ европейской культуры и государственности, вновь на первый планъ, какъ въ эпоху Карла Великаго, Карла V и Наполеона, выдвигается одинъ изъ основныхъ вопросовъ культурнаго и государственнаго развитія человѣчества—вопросъ о томъ, какому государству принадлежитъ будущее: національному или міровому, по натурѣ своей космополитическому. И одновременно мы спрашиваемъ себя съ тревогой: каковы будутъ новыя формы государственнаго, экономическаго, соціальнаго и культурнаго уклада жизни человѣчества, если дѣйствительно вновь, какъ когда-то въ эпоху античности, на развалинахъ національныхъ государствъ выраститъ міровой, по необходимости анаціональный колоссъ.

Въ такія эпохи особенно важно оглянуться назадъ и спросить себя, какой путь въ прошломъ пройденъ. Историческая справка въ прошломъ, конечно, не предскажетъ будущаго, но она позволитъ яснѣе и трезвѣе посмотрѣть на настоящее и уяснить себѣ контуры совершающагося, можетъ быть, основныя линіи возможнаго будущаго.

На глазахъ человѣчества и исторіи культурный міръ завершилъ одинъ и только одинъ циклъ своего развитія въ такъ называемую эпоху античности. Нынѣ мы переживаемъ второй циклъ. Въ эпоху античности, какъ и нынѣ, вопросъ о національномъ и міровомъ государствѣ составлялъ ось государственнаго развитія и пережилъ рядъ стадій въ постепенной эволюціи мірового историческаго процесса. Основныя линіи этого развитія ясны, ясна и связь политической и культурной эволюціи. Болѣе чѣмъ когда-либо полезно вспомнить, каковы были тогда этапы этого развитія и къ какимъ результатамъ въ культурномъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніи эта эволюція приводила и привела.

Античная государственность родилась не подъ знакомъ національнаго государства. Великія государственныя образованія *Востока* строились на принципѣ сплоченной національности только въ моменты своего ро-

жденія, неуклонно стремясь затѣмъ по пути созданія большого мірового многонаціональнаго и потому анаціональнаго государства.

Пестра и неустойчива была картина національнаго состава рождавшихся великихъ монархій въ бассейнахъ Тигра и Евфрата, одна господствующая національность смѣнялась другой, центръ государственности постоянно перемѣщался, и въ результатѣ создавалось всегда государство, гдѣ національная база быстро растворялась въ космополитическомъ, анаціональномъ строѣ крупныхъ государственныхъ образованій, всегда имѣвшихъ тенденцію вобрать въ свою государственность всѣхъ сосѣдей, независимо отъ ихъ національности.

То же въ еще большей мѣрѣ наблюдается и въ Египтѣ, гдѣ смѣна господствующей національности не измѣняла ни строя государства, ни основъ его политическаго развитія.

Вавилонъ, Ассирія, хетская держава, Египетъ и, наконецъ, Персія при всемъ разнообразіи ихъ индивидуальнаго развитія даютъ неизмѣнно одну и ту же картину апогея государственной и политической жизни: великое многонаціональное государство съ временнымъ господствомъ одной національности, съ сильной монархической властью, основывавшейся на тѣснѣйшей связи съ религіей и на ученіи божественности власти и опиравшейся на могущественное жречество съ одной стороны, на пестрое все болѣе денаціонализовавшееся войско—съ другой.

Повышенное національное самосознаніе, проявлявшееся и здѣсь отъ времени и до времени, особенно въ моменты смѣны одной господствующей національности другою, не входило глубоко въ сознаніе народа, не было той базой, на которой прочно покоилась государственность, не создавало постояннаго элемента, способнаго поддержать и укрѣпить государство въ моменты слабости и помѣшать господствующей національности раствориться въ другой, приходившей ей на смѣну.

Наиболѣе сильная изъ господствующихъ національностей, создавшая впервые міровое восточное государство,—Персія очень быстро превратилась въ обычное анаціональное государство, гдѣ господствующая нація, поставлявшая кадры чиновничества и часть войска, терялась въ массѣ покоренныхъ государствъ и народовъ и въ трудные моменты не проявляла ни опредѣленнаго національнаго самосознанія, ни яркаго чувства патріотизма.

Такая картина политическаго бытія и сознанія Востока не препятствовала большой культурной эволюціи, которую Востокъ продѣлалъ за многотысячелѣтнее свое существованіе, при чемъ особымъ подъемомъ отличались моменты формированія новыхъ государствъ, т.-е. моменты наибольшаго подъема національнаго самосознанія. Но культура Востока носитъ свой особый отпечатокъ. Въ политической жизни не видно ни слѣда подъема творческаго политическаго мышленія, созданія важнѣй-

шихъ идей политическаго бытія; дѣло политическаго строительства идетъ сверху и выливается въ формы выработки сложнаго административнаго организма, возглавляемаго неограниченнымъ божественнымъ монархомъ. Въ области изобразительныхъ искусствъ мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемся съ великими индивидуальными творцами, съ большими творческими личностями. Искусство въ цѣломъ живетъ массовою жизнью. Въ нѣкоторые моменты оно дѣлаетъ могучіе шаги впередъ, но затѣмъ столѣтіями повторяетъ уже разъ созданное. Стиль и манера убиваютъ личное творчество, цѣли декоративныя и практическія—цѣли чисто-художественныя. Но все же здѣсь въ области искусства изобразительнаго, также тѣсно связаннаго съ религіей и политическимъ строемъ, Востокъ достигъ, какъ и въ области созданія великихъ религіозныхъ идей, наивысшаго предѣла творчества, создавъ навѣки базу для будущаго міроваго развитія.

Характерно однако, какъ я уже указалъ выше, что великое творчество Востока ковалось главнымъ образомъ въ моменты наибольшаго подъема національнаго самосознанія и было наиболѣе прочно и плодотворно въ наименѣе анаціональномъ изъ великихъ восточныхъ государствъ—Египтѣ. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ этого является большой подъемъ художественнаго творчества древняго Вавилона, только что рождавшейся хетской державы и возрожденной Ассиріи. И рядомъ съ этимъ—блѣднымъ и чужимъ, холоднымъ и великолѣпнымъ, пестрымъ и вялымъ предстаетъ передъ нами искусство міровой Персіи, въ созданіи которой Востокъ въ первой стадіи своего развитія сказалъ свое послѣднее слово.

Чѣмъ болѣе денаціонализировался Востокъ, тѣмъ болѣе слабѣлъ онъ и культурно, и политически. Если дружина сумерскаго, аккадскаго, вавилонскаго, ассирійскаго, скиѳскаго, медійскаго или персидскаго царя чувствовала себя въ моменты борьбы за господство однимъ цѣлымъ со своимъ вождемъ и этотъ подъемъ держался въ годы поступательнаго и завоевательнаго движенія, то въ моментъ созданія большой державы, когда составъ войска пестрѣлъ и изъ національнаго оно становилось наемнымъ и территоріальнымъ, всякій входившій въ составъ государства все болѣе и болѣе терялъ органическую связь съ нимъ, сознавая себя только подданнымъ царя, только частью административной машины или только объектомъ воздѣйствія этой машины, не чувствуя связи своей индивидуальной работы съ общей работой государства и не находя въ государствѣ примѣненія своему индивидуальному творчеству. Все творчество поэтому уходитъ въ религію и искусство, создается политическій и національный индиферентизмъ, и государство рушится подъ напоромъ новаго національнаго натиска извнѣ.

Какъ бы другой міръ открывается передъ нами, когда мы перене-

семся мыслью въ *эллинскій міръ*, долгое время сосуществовавшій, а затѣмъ слившійся съ Востокомъ. Съ первыхъ же моментовъ своего рожденія греческій городъ-государство, корнями своего культурнаго развитія тѣсно связанный съ великими культурами Востока, являетъ совершенно иную картину всего политическаго, соціальнаго и экономическаго бытія. Для грека его городъ, πόλις, его родина—πατρίς, его гражданство—πολιτεία были объектомъ страстной и глубокой привязанности, беззавѣтной, не останавливавшейся передъ жертвой всѣмъ имуществомъ, семьею и жизнью, любви. Грекъ гордился и жилъ своимъ городомъ, своими городскими богами, своими храмами, своей ἀγορά. Онъ сознательно закрывалъ глаза на преимущества другихъ, жилъ и дышалъ патріотизмомъ, любовью къ своей родинѣ. Недаромъ же самое понятіе повышенной любви къ родинѣ такъ тѣсно связано съ понятіемъ принадлежности къ городу, понятіе патріотизма съ понятіемъ гражданственности, государственное самосознаніе съ политикой, т.-е. тѣмъ, что является естественнымъ и главнымъ занятіемъ каждаго члена πόλις, πολίτης.

Конечно, на-ряду съ этими господствующими теченіями свободная и творческая греческая мысль вышла далеко за предѣлы города-государства, осознала какъ цѣлое все эллинство, признала права на существованіе и цѣнность не-эллинскихъ націй, поднялась до понятія о человѣчествѣ, какъ единомъ цѣломъ, но въ огромной массѣ эллинства, какъ это сказалось на всей политической жизни Эллады, все это было теоріей, практика же связывала грека главнымъ образомъ съ тѣмъ городомъ, гражданиномъ котораго онъ былъ. На-ряду съ чисто-политическимъ понятіемъ гражданина даннаго города—аѳинянина, спартанца, мегарца, регинца, сиракузца, массилійца или ольвійца—понятіе эллинъ всегда было понятіемъ не политическимъ, а культурнымъ, и связь эллинства между собою ощущалась не какъ политическая, а какъ культурная.

Вотъ почему защита Эллады отъ персовъ въ моменты высшей опасности всетаки не сдѣлалась обще-эллинскимъ дѣломъ, а позднѣе эллины охотно боролись вмѣстѣ съ персами противъ эллиновъ же; вотъ почему всѣ призывы къ борьбѣ всей Эллады съ Македоніей практически ни къ чему не привели; вотъ почему аѳинская держава всегда была аѳинской, а не обще-эллинской, и не имѣла даже тенденціи къ этому, равно какъ спартанская гегемонія всегда оставалась и спартанской, и гегемоніей, а позднѣйшіе союзы, при всей своей эластичности, всетаки не могли и не старались изъ беотійскаго, ахейскаго и этолійскаго превратиться въ обще-эллинскій.

Но чѣмъ уже были политическія рамки, тѣмъ сильнѣе было политическое чувство, наиболѣе ярко разгоравшееся и во внутренней, и во внѣшней борьбѣ. Свой городъ эллинъ уже считалъ своимъ до конца;

разъ создавъ свои политическія убѣжденія, онъ сживался съ ними и отдавалъ все на ихъ защиту, какъ и на защиту родины отъ внѣшняго врага. Для своей родины эллинъ жилъ и думалъ, творилъ и писалъ, строилъ и ваялъ; никогда въ мiровой исторiи дiапазонъ культурнаго творчества, поддерживаемаго политической самодѣятельностью и чувствомъ тѣснѣйшей связи со своей родиной, не принималъ такихъ грандiозныхъ размѣровъ, какъ въ эпоху расцвѣта греческой политiи. Несомнѣнно, что эта высота культурныхъ достиженiй тѣснѣйшимъ образомъ связана и со взаимной конкуренцiей отдѣльныхъ греческихъ политiй, и, особенно, съ высоко-развитымъ политическимъ самосознанiемъ гражданъ каждой эллинской политiи.

Но тѣмъ не менѣе нацiональнаго государства эллинство не создало. Эллада и ея колонiи остались рядомъ городовъ-государствъ, соединявшихся въ сакральные и политическiе союзы, городовъ-государствъ съ единой религiей, культурой, языкомъ и политическимъ строемъ, съ единымъ въ своемъ многообразiи политическимъ идеаломъ, основаннымъ на принципѣ свободной гражданственности, но безъ прочнаго политическаго объединенiя всего эллинства, несмотря на проповѣдь такого объединенiя, глашатаемъ котораго былъ, напримѣръ, Исократъ.

Идеалъ Исократа нашелъ себѣ какъ будто осуществленiе въ объединенiи Эллады, исходившемъ изъ *Македонiи* и ея царя Филиппа. Но съ первыхъ же моментовъ эта попытка объединенiя встрѣтила въ эллинскомъ городѣ-государствѣ рѣзкое противодѣйствiе. Причиной этого противодѣйствiя было не то, что греки не считали македонянъ эллинами, и даже не монархическая форма правленiя Македонiи, а острое чувство любви къ своей городской родинѣ, къ ея самостоятельности и самодовлѣнiю.

Поэтому Македонiи для образованiя обще-эллинской державы пришлось прибѣгнуть къ силѣ и завоеванiю. На этомъ, конечно, прочная государственность построена быть не могла. Еще болѣе ослабѣли устои новаго эллинскаго государства, когда въ рукахъ Александра Великаго оно исполнило ту задачу, которую ставили ему теоретики идеала обще-эллинскаго объединенiя, т.-е. когда оно разрушило и подчинило себѣ великую мiровую персидскую державу.

Разрушенiе это не только не способствовало упроченiю обще-эллинскаго государства, но привело къ прямо противоположнымъ результатамъ. По идеѣ Александра, не только эллины должны были подчиниться македонцамъ, но обѣ нацiи должны были полюбовно раздѣлить господство съ прежними господами мiра—персами. Это же въ моментъ завоеванiя Персiи Александромъ привело къ созданiю не нацiональнаго, а мiрового государства типа персидской монархiи съ переходомъ только роли господствующей нацiи отъ персовъ къ македонцамъ и грекамъ.

Новое мировое государство оказалось, какъ мы знаемъ, непрочнымъ. Монархія Александра немедленно послѣ его смерти распалась на нѣсколько державъ, количество которыхъ все увеличивалось. Основа этихъ державъ отнюдь не была національна. На-ряду съ многонаціональной Сиріей, прямой наслѣдницей ассиро-вавилонскаго царства, въ которой теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, существовала господствующая національность, на-ряду съ многоплеменнымъ все болѣе и болѣе эллинизовавшимся Египтомъ стояла сильная Македонія, рознь которой съ подчиненной ей Элладой ни на минуту не прекращалась. Сильнымъ національнымъ государствомъ поэтому нельзя считать и Македонію, которая болѣе, чѣмъ остальныя эллинистическія державы, могла бы претендовать на это имя.

Еще менѣе основаны были на базѣ опредѣленной національности остальныя болѣе мелкія эллинистическія державы—Пергамъ, наслѣдникъ старыхъ мало-азійскихъ царствъ лидійскаго и фригійскаго, Виѳинія съ ея по большей части ѳракійскимъ населеніемъ, Понтъ, Арменія и Парѳія съ ихъ въ основѣ иранской культурой, но національно неоднороднымъ составомъ населенія, синдско-скиѳскій Боспоръ и др. Вездѣ, какъ и въ большихъ эллинистическихъ державахъ, мы имѣемъ верхній эллинскій культурный лоскъ, эллино-восточный монархическій государственный строй, пестрый національный составъ. Вездѣ мы наблюдаемъ двойственность, вездѣ тотъ или иной компромиссъ между эллинскимъ городомъ-государствомъ и восточной анаціональной монархіей.

Кое-гдѣ, какъ въ Парѳіи и Арменіи, мы видимъ зародыши національной государственности, но опредѣляющимъ моментомъ является все-таки вездѣ стремленіе большихъ державъ къ возсозданію міровой много-національной и анаціональной державы и борьбу болѣе мелкихъ государственныхъ образованій, особенно борьбу греческаго города-государства, противъ этихъ тенденцій за политическую самостоятельность, основой которой было не осуществленіе національныхъ стремленій, а отстаиваніе отдѣльныхъ старыхъ и новыхъ, по большей части эллинскихъ, государственныхъ образованій.

И вездѣ на-ряду съ этой борьбой мы видимъ медленное, но вѣрное подчиненіе принциповъ греческаго свободнаго самоопредѣляющагося и самодовлѣющаго гражданскаго строя основамъ восточной абсолютической государственности, стремившейся низвести гражданскіе идеалы эллинства къ служебной роли по отношенію къ принципамъ монархическаго и бюрократическаго строя.

Эллинство, какъ цѣлое, и въ эллинистическую эпоху остается поэтому понятіемъ культурнымъ, самостоятельныхъ эллинскихъ государствъ почти не наблюдается или они играютъ все меньшую роль по сравненію съ эллинистическими державами, гдѣ эллины только покрываютъ ло-

скомъ своей культуры и распространеніемъ своего отнынѣ мірового языка не-эллинскую, обыкновенно разнородную національную основу и восточный строй большинства эллинистическихъ государствъ.

При этихъ условіяхъ понятно, что старый эллинскій городской патріотизмъ постепенно слабѣетъ, появляются эллины, стоящіе внѣ города,—военные наемники и чиновники, появляются граждане искусственно созданныхъ новыхъ греческихъ городовъ на не-греческой почвѣ, связь которыхъ съ городомъ далеко не такъ сильна, какъ въ старыхъ эллинскихъ городахъ, и великій эллинскій духъ творческой любви къ родинѣ постепенно вырождается въ муниципальное честолюбіе и тратится на мелкую, робкую, неувѣренную политику случайностей и приключеній.

Жизнь эллинизма есть сплошная война однихъ государствъ съ другими, серія дипломатическихъ комбинацій и политическихъ союзовъ, но нигдѣ мы не видимъ войны, одушевляющей все государство, войны, которую ведутъ народы. Борются отдѣльные цари и правительства, борются при посредствѣ наемныхъ армій, населеніе эллинистическаго міра въ большинствѣ случаетъ равнодушно и апатично несетъ на своихъ плечахъ тягость не очень кровопролитныхъ и не очень разорительныхъ войнъ.

Великій эллинскій духъ въ эпоху эллинизма, конечно, не умеръ, творческая сила эллинства не изсякла, но вся культурная работа пошла по иному пути, культурныя достиженія становились менѣе яркими и менѣе индивидуальными, менѣе греческими. Оторванный отъ города грекъ продолжалъ творить для міра, но это творчество не имѣло той захватывающей силы мировыхъ откровеній, какъ творчество греческихъ политій, въ свое время покорившее міръ. Эллинистическое творчество не неслось, какъ рядъ бурныхъ многоводныхъ потоковъ, захватывавшихъ человѣчество, а медленно расплывалось по міру, какъ спокойное озеро, кое-гдѣ грозившее превратиться въ мелкое стоячее болото.

Въ то время какъ описанный процессъ совершался на Востокѣ и въ Элладѣ, на Западѣ въ *Италіи* рождалось новое національное государство, сочетавшее въ себѣ и элементы греческой политіи, и элементы греческаго городского союза, и элементы національнаго племенного государства въ типѣ Македоніи и Персіи.

Путемъ упорной борьбы городу-государству Риму удалось сначала сплотить около себя, а затѣмъ и подчинить себѣ все то племя, къ которому принадлежало его населеніе, всѣхъ латинъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ объединяетъ около себя въ формѣ подчиненнаго союза всю націю италиковъ, вбирая въ нее и не-италійскія племена Италіи—этрусковъ, галловъ, лигуровъ, иллирійцевъ и грековъ. На италійской базѣ Риму удается создать обще-италійское государство, онъ сумѣлъ дать Италіи

одинъ языкъ и одну культуру, сумѣлъ создать изъ многоплеменной Италіи одну націю, сознававшую себя какъ одно недѣлимое цѣлое. И все это на базѣ свободнаго, хотя и дисциплинированнаго, гражданскаго строя, на основахъ творческаго города-государства, при посредствѣ національнаго гражданскаго войска.

То, что не подъ силу было греческому генію, казалось, осуществлено было выдержкой, практическимъ разумомъ, способностью къ воспріятію и переработкѣ чужихъ культурныхъ достиженій римлянъ, латинъ и италиковъ. Свою самостоятельность новому національному государству удалось отстоять и противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей кельтовъ, и противъ своего западнаго конкурента—семитическаго Карѳагена, многонаціональная и разнородная держава котораго не имѣла сильнаго и многочисленнаго національнаго ядра, не имѣла и той силы обаянія національной творческой культуры, которой въ такой высокой мѣрѣ обладали эллины. Карѳагеняне не вобрали въ себя чуждую имъ эллинскую культуру, какъ это сдѣлали италики, не переработали ея въ себѣ и не создали ея продолженія, а только приспособили эллинское ко вкусамъ своей многочисленной торговой кліентелы, оставаясь внутренно чуждыми и даже враждебными эллинскому творчеству.

Національное италійское государство послѣ борьбы съ сосѣдями, въ которой упрочилось или, лучше сказать, впервые начало складываться его національное единеніе, выступило на арену міровой борьбы какъ могучій, несоизмѣримый со всѣмъ остальнымъ политическій факторъ. Тогда, когда раздробленное городское эллинство разбило свои силы въ борьбѣ съ Македоніей и между собою, когда войска наемниковъ Египта, Сиріи, Пергама, Виѳиніи и т. д., пользуясь рознью эллиновъ между собою и съ Македоніей, рядомъ ударовъ то по тѣмъ, то по другимъ ослабляли и все еще національную Македонію, и національные греческіе союзы, въ то время когда на Востокѣ патріотическое чувство населенія государства не могло дать ростковъ, заглушенное восточной государственностью, а въ Элладѣ оно же все мельчало и падало,—на арену міровой политики выступилъ союзъ городовъ и племенъ Италіи, тѣсно сплоченный Римомъ и сознававшій себя однимъ цѣлымъ, одушевленный любовью къ своей ближайшей родинѣ и нарождавшимся сознаніемъ италійскаго единства, испытавшій только недавно то чувство подъема, которое пережила Греція послѣ нашествія персовъ.

Это новое государство еще болѣе сплотилось и слилось съ Римомъ, когда во главѣ съ Римомъ оно начало широкую завоевательную политику, ту же, которую вели и остальныя державы тогдашняго культурнаго міра.

Надо помнить, что національная сплоченность Италіи не только является условіемъ успѣха Италіи въ міровой борьбѣ, но этой міровой

борьбой обусловливается. Италія сдѣлалась латинской и римской не только потому, что Римъ побѣдилъ и подчинилъ отдѣльныя племена Италіи, не только потому, что италики вмѣстѣ съ Римомъ отразили нападеніе Карѳагена, но главнымъ образомъ потому, что объединенной Италіи Римъ открылъ перспективу міроваго владычества и повелъ ее покорять міръ.

Италія охотно пошла за Римомъ въ этомъ колоссальномъ предпріятіи, наводнившемъ Италію богатствами всего міра,—предпріятіи, которое не только сулило, но и давало огромныя выгоды каждому его участнику. При этихъ условіяхъ поддержаніе и усиленіе единства было неизбѣжно, неизбѣжно было и сліяніе всей Италіи въ римскомъ гражданствѣ, когда вся Италія фактически и для внѣшняго міра стала областью одного города, столицы міра—Рима.

То, что гражданамъ Италіи пришлось съ оружіемъ въ рукахъ взять у Рима право гражданства, есть результатъ условій государственной жизни Рима, только эпизодъ, быстро, хотя и не безболѣзненно ликвидированный.

Характерно такимъ образомъ, что и въ Италіи рожденіе національнаго государства тѣсно связано съ переходомъ его къ міровой политикѣ и этимъ переходомъ обусловлено. Повторяется такимъ образомъ то же, что мы наблюдали въ Персіи и Македоніи, съ тою только разницей, что италійская держава построена была на греческомъ гражданскомъ принципѣ и одушевлена была тѣмъ духомъ гражданскаго патріотизма, который такъ характеренъ для греческаго города-государства.

Римскій имперіализмъ, родившійся вмѣстѣ съ національнымъ всеиталійскимъ государствомъ, въ моментъ своего рожденія сталъ на точку зрѣнія покоренія ради господства, подчиненія себѣ другихъ не на базѣ культуры, а путемъ голой силы. Культура Рима и даже техника его были во много разъ ниже культуры и техники эллинизма, побѣда Рима была обусловлена только болѣе сильною государственностью и могучимъ сплоченнымъ завоевательнымъ воодушевленіемъ націи, боровшейся съ разрозненнымъ, почти анаціональнымъ эллинизмомъ. Понятіе италикъ было чисто политическимъ, понятіе эллинъ было и оставалось понятіемъ культурнымъ, причемъ къ этому понятію не безъ права сопричисляли себя и италики.

Силой и насиліемъ въ ущербъ праву, системой жестокихъ расправъ и запугиванія, системой уничтоженія сопротивляющихся Римъ и Италія подчинили себѣ весь тогдашній культурный міръ и значительную часть еще не вполнѣ пріобщившихся къ эллинской міровой культурѣ племенъ средней и отчасти восточной Европы. Хозяевами въ этой міровой державѣ были cives Romani, все остальное должно было безпрекословно подчиняться. Міръ сдѣлался безправной и безвольной провинціей Рима.

Въ этомъ принципѣ господства и подчиненія властное и жестокое римское гражданство нашло пищу для поддержанія чувства сплоченности всѣхъ тѣхъ, кто властвовалъ надъ другими. Живое чувство одушевленія любовью къ родинѣ постепенно превращалось во взаимную охрану интересовъ господствующихъ, въ ревнивое обереганіе своего права гражданства отъ покушеній на него со стороны безправныхъ и полуправныхъ.

Этимъ вызвана была и кровавая союзническая война, значительно ослабившая Италію и италиковъ, и прекращеніе расширенія рамокъ римскаго гражданства въ смыслѣ пріобщенія къ нему и провинціаловъ, характеризующее послѣдніе два вѣка республики и создавшее ученіе о провинціяхъ, какъ о praedia populi Romani (имѣніяхъ римскаго народа).

Городской строй Рима, совершенно не приспособленный къ задачамъ міровой державы, но тѣмъ не менѣе ревниво оберегавшійся, естественно повлекъ за собою тѣ же явленія, которыя такъ ярко характеризуютъ и греческій городъ-государство, но которыя въ Римѣ сказались съ особо яркой силой и въ особо рѣзкихъ и грандіозныхъ формахъ. Какъ и въ греческихъ городахъ, и въ Римѣ политическая борьба отдѣльныхъ классовъ гражданства, вызванная и осложненная соціальными и экономическими причинами, привела къ рѣзкому столкновенію интересовъ отдѣльныхъ классовъ гражданскаго населенія и къ длительной кровавой борьбѣ ихъ между собою.

Параллельно превращенію Рима и Италіи въ господъ міра идетъ въ Римѣ и Италіи жестокая внутренняя распря правящей аристократіи, все болѣе богатѣющаго торговаго и предпринимательскаго класса и массы населенія, обладавшей de iure политическимъ суверенитетомъ и стремившейся подъ руководствомъ трибуната, а затѣмъ отдѣльныхъ военныхъ тиранновъ осуществить его и de facto.

Подъ громъ внѣшнихъ побѣдъ и въ бурѣ повторныхъ внутреннихъ революцій римское національное государство постепенно превращается въ міровую державу, многонаціональную по составу и все болѣе и болѣе приближающуюся по своему строю къ типу сначала эллинистическихъ, а затѣмъ и восточныхъ монархій. На основѣ военныхъ тиранній рождается двойственный принципатъ, сочетающій греческую тираннію съ эллинистической монархіей, на развалинахъ гражданскаго италійскаго государства возникаетъ міровая монархія, управляемая бюрократической машиной съ абсолютнымъ господиномъ во главѣ.

Параллельно этому понятіе civis Romanus, какъ въ эллинистическихъ государствахъ понятіе эллина, становится все болѣе и болѣе не политическимъ, а скорѣе культурнымъ терминомъ, выдѣляющимъ изъ остальной массы населенія тѣхъ, кто усвоилъ себѣ греко-латинскую цивилизацію и одинъ изъ двухъ міровыхъ языковъ—греческій или латинскій.

Быстро идущее въ эпоху принципата и домината расширеніе правъ римскаго гражданства свидѣтельствуетъ не объ увеличеніи количества гражданъ свободнаго національнаго государства, а объ успѣхахъ романизаціи и эллинизаціи. Бывшіе господа міра—римскіе граждане, увеличиваясь въ числѣ, все болѣе и болѣе становятся одинаково безправными передъ лицомъ власти, политически безразличными объектами управленія, отличаясь отъ не-гражданъ не политическими, а чисто гражданско-правовыми привилегіями и преимуществами.

И Римъ, такимъ образомъ, какъ и остальныя государственныя образованія античности, изъ національнаго италійскаго государства превращается въ міровую державу, безконечно разнообразную по своему національному составу, управляемую абсолютнымъ монархомъ и защищаемую профессіональнымъ, въ основѣ своей наемнымъ, дорого оплачиваемымъ войскомъ.

Эволюція эта совершается медленно, медленнѣе, чѣмъ когда-либо; во внутреннемъ строѣ міровой державы болѣе чѣмъ гдѣ-либо осѣло пережитковъ стараго гражданскаго строя, крѣпче и цѣпче чѣмъ гдѣ-либо держится традиція римскаго гражданскаго патріотизма, но и здѣсь постепенно гражданинъ умираетъ и на его мѣсто становится равнодушный къ государству, аполитичный, живущій личными, а не гражданскими интересами подданный.

Соотвѣтственно этому пышный когда-то расцвѣтъ греко-римской культуры въ Италіи и провинціяхъ хирѣетъ и вянетъ, оплощается и мельчаетъ. Остаются однѣ основы, впитанныя населеніемъ, да внѣшній греко-римскій культурный обликъ.

Но на-ряду съ этимъ наблюдается въ міровой римской державѣ новый огромный по своему значенію процессъ. Въ нѣдрахъ римской провинціальной жизни: въ Галліи, Испаніи, Британніи, дунайскихъ провинціяхъ, рождаются новыя національности, смѣшанныя по своему племенному составу, но единыя по своимъ культурнымъ и государственнымъ традиціямъ.

Слабѣющій анаціональный римскій колоссъ не въ силахъ удержать процесса разложенія міровою государства на рядъ новыхъ національныхъ государствъ, выросшихъ на базѣ греко-римской культуры. Удары извнѣ—напоръ германскихъ, иранскихъ, тюркскихъ и славянскихъ племенъ—не создаетъ, а только ускоряетъ это разложеніе, способствуя созданію на развалинахъ римской имперіи ряда національныхъ государствъ, среди которыхъ наиболѣе жизненны тѣ, которыя совпадаютъ со старыми римскими провинціями, носителями великихъ государственныхъ, правовыхъ и культурныхъ традицій греко-римскаго міра.

Изъ нѣдръ римской имперіи рождается современная Европа, развитіе которой идетъ инымъ, обратнымъ путемъ по сравненію съ разви-

тіемъ античности. Нѣтъ болѣе пагубной тенденціи, какъ сравнивать на основаніи внѣшнихъ признаковъ эволюцію античности съ эволюціей современности, отдѣльныя государства современности и ихъ роль въ міровой исторіи съ государствами древняго міра и т. п. Особенно модно это стало теперь въ Германіи, причемъ, конечно, Германіи всегда выпадаетъ на долю быть современной не то Элладой, не то римской имперіей, Англія уподобляется Карѳагену, а Россіи приходится быть Персіей.

При этомъ забывается одно кардинальное различіе, дѣлающее исторію современной Европы несоизмѣримой съ исторіей античности. Исторія Европы есть продолженіе исторіи античности, міръ ничего не началъ съ начала, элементы античной культуры и государственности и помимо существованія Византіи никогда не умирали въ западной и даже восточной Европѣ, поскольку эволюція Европы есть въ ея наиболѣе цивилизованныхъ частяхъ продолженіе эволюціи отдѣльныхъ римскихъ провинцій.

Этимъ кардинальнымъ факторомъ, о которомъ такъ легко забываютъ, говоря, напримѣръ, о греческомъ средневѣковьѣ, объясняется то основное явленіе, которое ближайшимъ образомъ интересуетъ насъ въ данной связи.

Современность идетъ не отъ національнаго государства къ вѣчно возраждающемуся міровому, не отъ относительной и частью полной политической свободы и самоопредѣленія къ абсолютизму, рабству и подданству, причемъ соотвѣтственно этому зажигаются яркимъ огнемъ очаги культуры въ періоды яркаго національнаго самосознанія, а инымъ, глубоко отличнымъ отъ античности, своеобразнымъ и совсѣмъ непохожимъ на античный путемъ.

Родившись на развалинахъ мірового анаціональнаго, если хотите, космополитическаго государства, какимъ была римская имперія, современная Европа медленно, но вѣрно выковываетъ свои національныя государства, создающія каждое свою специфическую и глубокую культуру. Эти національныя государства чѣмъ дальше, чѣмъ больше они крѣпнутъ, тѣмъ успѣшнѣе борются съ временными и всегда неудачными попытками созданія міровой монархіи по образцу римской имперіи. Античность такимъ образомъ живетъ въ общемъ подъ знакомъ мірового государства, опредѣляющаго собою государственность древняго міра, современность—подъ знакомъ государства національнаго, котораго античность по существу и длительно не знаетъ, какъ не знаетъ по существу и длительно современность мірового государства.

Античность идетъ отъ свободнаго строя къ абсолютическому, современность, по мѣрѣ того какъ крѣпнутъ національности, ихъ самосознаніе, ихъ патріотизмъ, идетъ вездѣ и повсюду отъ абсолютизма,

пережитка античнаго мірового государства, къ свободѣ, отъ восточнаго подданства къ греческой гражданственности. Вожаками современной Европы на этомъ пути являются тѣ націи, которыя унаслѣдовали отъ древняго міра, частями котораго онѣ были, античный духъ гражданской культурной свободы,—Италія, Англія, Франція. Въ хвостѣ идетъ Германія, съ трудомъ прививающая себѣ основы античной гражданственности и культуры, врагомъ и разрушителемъ которой она всегда была, какъ была она всегда и носительницей идеала возобновленія мірового государства, идеала, всегда разбивавшагося о крѣпнущее національное самосознаніе народовъ Европы. Въ хвостѣ идемъ и мы, наслѣдники послѣдняго по идеѣ мірового государства—Византіи, съ трудомъ разставаясь съ традиціями византійской имперіи и мірового имперіализма.

Но нѣтъ сомнѣнія, вся исторія Европы идетъ по этому пути: въ европейскомъ политическомъ и культурномъ развитіи нѣтъ мѣста міровому государству, міровому господству какой-либо одной націи. Всякая попытка къ созданію таковаго неминуемо разобьется о крѣпнущее національное самосознаніе, культуру и политическую свободу всѣхъ остальныхъ народовъ, членовъ культурной и равноправной европейской семьи.

